

Я телекинетически погладил Эри по щеке, нежно взъерошив ее волосы.

— Это все реально. И я здесь, чтобы спасти тебя, — сказал я.

— Правда? — нерешительно спросила Эри.

— Да, — заверил я.

— Но ты не сможешь, он слишком силен! Он сделает... он причинит тебе боль. Я больше не хочу, чтобы кто-то пострадал из-за меня! — воскликнула она, заливаясь слезами.

— Не волнуйся. Он не причинит вреда ни тебе, ни мне. На самом деле, когда я закончу с ним, он больше никому не причинит вреда. Так скажи мне, Эри, ты хочешь, чтобы тебя спасли? — снова спросил я.

— Да! — она шмыгнула носом.

— Я тебя не слышу. Можешь говорить громче? — поддразнил я.

— Пожалуйста, спасите меня! — громко закричала она.

— Это все, что я хотела услышать, малышка. Теперь просто жди и смотри! — сказал я, с любовью глядя плачущую девочку по голове.

Звук разбудил всех в особняке, и защитные системы были приведены в полную боевую готовность.

Чисаки немедленно проверил камеру Эри и обнаружил, что дверь в нее открыта. На самом деле, все двери были открыты.

«Как это произошло,» — недоумевал Чисаки.

Тем временем я заморозил всех в особняке одновременно и бесшумно, широко распахнув двери, щедро применив телекинетическую силу.

Я снова окружил особняк звуконепроходимым барьером. Никто не войдет и не выйдет без моего согласия.

Я галантно вошел внутрь, когда все системы безопасности вышли из строя, двери и потайные входы открылись, и, как в мифе о Кришне, тюремщики уснули.

Только, в отличие от Васудева, я не сбегал из тюрьмы, я врвался внутрь.

Но цель была та же. Спасти невинного ребенка.

И хотя мои нынешние действия не превратились бы в миф, это, безусловно, было правильным поступком.

Я сопротивлялся желанию уснуть титаническим усилием воли, а если это не удавалось, испытывал мучительную боль.

Чисаки использовал свою собственную причуду, чтобы сделать свои нервы более чувствительными, и ударил себя ножом в руку, крутя нож, боль не давала ему прийти в сознание.

Чисаки, спотыкаясь, вышел из своего кабинета, истекая кровью и кипя от ярости.

«Кто бы ни стоял за этим, он не уйдет отсюда живым,» — подумал Чисаки.

Я проигнорировал его, обездвигив одной лишь мыслью и небольшим биокинезом, просто чтобы убедиться, что моя личность остается в безопасности.

Его мышцы свело судорогой и разорвало на части, когда он безвольно упал на пол, как сломанная кукла.

Я стоял наверху лестницы, ведущей в подземный комплекс.

— Пошли, Эри. Выходи из своей комнаты своими собственными ногами. Разорви свои оковы и выходи! — сказал я, когда Эри осторожно выглянула из своей комнаты и увидела, что охранники сбились в кучу.

Нерешительно она сделала шаг вперед, как кошка, пробуя воду в ванне, прежде чем переставить ногу за ногой и выйти, дрожа, как чихуахуа.

Она медленно последовала примеру невидимой руки и оказалась у основания лестницы, той самой, по которой спускалась в тот роковой день. Лестница, которую, как она думала, никогда больше не увидит.

По крайней мере, не таким образом.

Она подняла глаза на фигуру в дверном проеме, окутанную успокаивающей серебристо-золотой аурой, пылинки света рассеивались на его спине.

— Иди сюда! — сказал я, опускаясь на колени и протягивая ей руку.

Она посмотрела на меня в страхе, ожидая возмездия, и попятилась.

— Ну же, я не кусаюсь. Кроме того, разве я не сказал, что пришёл сюда, чтобы спасти тебя? — заверил я.

— Это был... ты? — спросила она, все еще недоверчиво.

— Ага. А теперь пошли. У нас нет ни дня, ни ночи! — сказал я, когда Эри взбежала по лестнице и бросилась в мои объятия, когда я подхватил ее на руки и направился в главный офис.

У двери Эри вздрогнула и начала дрожать при виде Капитального ремонта.

— Черт... все в порядке. Он больше не причинит тебе вреда. Я позаботился об этом, — сказал я, нежно глядя ее по голове, когда она уткнулась лицом в мой воротник.

— Тебе.. это с рук не сойдет! — пробормотал Чисаки своим изуродованным горлом.

Эри прижалась ко мне, ее зубы стучали от страха.

— Эри, Эри! Посмотри на него. Пока я здесь, он ничего тебе не сможет сделать! Ясно? — сказал я, показывая Эри его разбитую, дряхлую фигуру.

Эри понимающе кивнула, прежде чем снова уткнуться лицом в мой воротник, не в силах долго смотреть на своего мучителя.

Я проигнорировал этого человека и прошел в кабинет, роясь в шкафах, пока не нашел гербовую печать семьи.

Достав документы об усыновлении, которые я подготовил заранее, я проштамповал их печатью, прежде чем положить на место.

Теперь, достав из ящика стола документы об усыновлении, я сжог их дотла.

— С этой минуты Эри ты теперь моя дочь! — сказал я, показывая ей недавно отчеканенные документы об удочерении.

Эри кивнула, не понимая, что это значит.

Но это нормально. Как я уже сказал в случае с Харуто. Маленькие шажки. Только маленькие шажки.

Разобравшись с бумагами, я стер ему и его подчиненным память об Эри, забрал его пули для подавления причуды и пару ящиков "триггера", прежде чем отправиться домой.

Под покровом ночи я отвез Эри в квартиру с четырьмя спальнями, которую купил в Хамамацу на деньги от моих контрактов на песни.

Устроив ее, я собрался уходить, но меня встретила обеспокоенная и дрожащая Эри.

Она умоляюще посмотрела на меня, как бы говоря: "Пожалуйста, не оставляй меня совсем одну".

Это было так мило!

Черт возьми! Мне нужно избавиться от своей привязанности к милым вещам, потому что это настоящая биологическая опасность!

— Хорошо, — сказал я, подводя Эри к ее кровати, и нежно гладил ее, напевая ей колыбельную, пока она не заснула в моих объятиях.

И вот так закончился мой день, в 2:38 ночи понедельника, или, лучше сказать, утра вторника, я укладывал спать травмированную маленькую девочку.

<http://tl.rulate.ru/book/104483/3776398>